

Иван КОЗИН

МОЯ ТЕНЬ ПО МЯСНИЦКОЙ (СПЕШАЩАЯ В ТЕАТР АБСУРДА)

Я шёл по улице родной,
Моей Мясницкой.
А за спиною
Тень плелась.
Шатаясь, будто в баре напилась.
Чтоб силуэтом под ноги пролиться.

Мы с тенью породнились.
И она
Строкою в прозу жизни уместилась.
Чтоб сесть в ней,
Ноги свесив, на диван.
Закутав в свет как в плед
Её чернеющую милость.

В меня смотрел стареющий почтамт,
Зрачками наблюдая своих окон.

Там, за которыми девчушка ставит штамп
На письмецо, которое как ворон
Из точки N. вспорхнет и в точку N.
Влетит. И в руку падая, шуршаше,
В том (ком-нибудь) вдруг текстом зажурчит.
Прольется. Станет смыслом настоящим.

Их обоюдным.
Но я вернулся к улице,
Где тень
Со мной повсюду
Будто чудо-юдо.
И на лице асфальта мой рисует день.

... И если вижу этот силуэт...

Я знаю жив ещё покуда —
Я завещаю камню этих стен,

(Что слышат слепо,
Смотрят лишь в пол уха)

Мои стихи.
Чтоб не совсем
Мой призрак время стерло вон отсюда.

И вот когда не станет здесь меня
Для мещанина-зрителя-паскуды,
Мои стихи в других заговорят.
Из тени. С залом. В театре. Для абсурда.

IN THIS STONED MOMENT.

И вот я в комнате один.
И город, спрятанный за шторой,
Там за двором уже шумит.
А я из племени, которое

Зовется «поэтическим» у нас.
Хотя к чему здесь эти ярлыки?
Поэт — он тот, кто в слово страсть
Сам облакает с помощью строки.

И лампа на столе плюется желтым.
И на часах лишь 10: 25.
Осенний день по косточкам разжеван,
Чтоб завтра быть воскреснутым опять.

И в тишине моей я слышу голоса.
Я вспоминаю дикость вечеринок.
Красивых девок, их глаза.
Их ноги, юбки, талии осиные.

Я вспоминаю гомон бара,
Где одиночество убито на корню.
И в тишине своей я тихо понимаю,
Что люди — Боги. И я их люблю.

Своею громкою любовью человеческой
Такой весомою и теплою как шерсть

Овечья.

А для кого любовь моя особая-
Я их по пальцам смог бы перечесть.

На ветку села черная ворона
И стала частью натюрморта. Со двора
Я слышу жизнь во все четыре стороны.
«И вот пришла осенняя пора.
Очей очарованье».

Я возгорался от восторгов столько раз!
А после было разочарованье.
«Другое я», заложенное в нас,

В один момент выходит из берлоги,
Берет да и великое создав,
Нам говорит на языке, понятном Богу,
Что жизнь состоит сама из глав.

А мы построчно буквами, в том бегстве
Бежим куда-то, от себя устав,
Забыв, что суть, окаменев в моменте,
В нас сморит из контекста этих глав.

ВОТ И ВСЁ

Сижу на кухне с чаем. Рыжего
Читаю об уныньи и тоске.
И жизнь, робко и пристыженно,
Как ложка, помещается в руке.

А что мы можем? В нашей плоти хрупкой?
Себя продолжить в книге? А потом?
Мы выйдем из себя как из скорлупки
Птенец, поспоривший с яйцом.

А как же Бог? Жизнь вечная? А дальше?
И Лета нас теченьем отнесет
В небытие. Когда мы станем старше.
И мы умрем. Ну, в общем, вот и все.